

Александр Дорошенко

Русский модерн в Городе

I

Реквием по русскому модерну 1900-1914 годы

Большая Московская гостиница,
дом Дементьевых и Васильева

Так было.

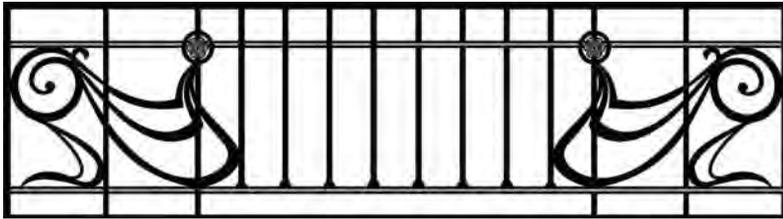
Каждый вечер мышасто-серая пятиэтажная громада загоралась сто семидесятью окнами на асфальтированный двор с каменной девушкой у фонтана... В зимние вечера, когда бес, прикинувшись вьюгой, кувырчался и выл под железными желобами крыш, проворные дворники гнали перед собой щитами сугробы, до асфальта расчищая двор. Четыре лифта ходили беззвучно вверх и вниз... В кронштейнах на площадках горели лампы...

И ничего не стало...

И самая память стала угасать...
Да было ли это, господи?

Михаил Булгаков

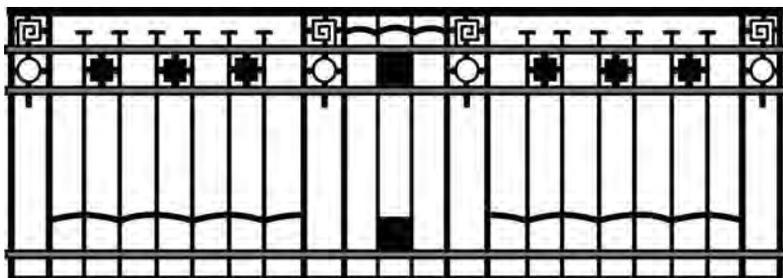
№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна

Софиевская, 16, архитектор Л.М. Чернигов, начало XX века*

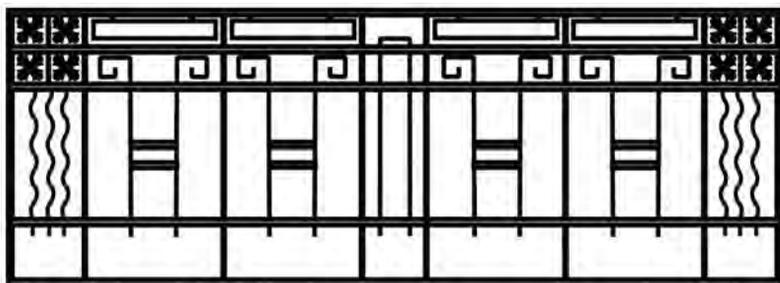
Льва Толстого, 32, архитектор В.И. Прохаска, 1903 год;
Пишоновский переулок, 2

Греческая, 48, архитекторы Ф.А. Троупянский и Л.Ф. Прокопович,
1909-1910 и 1912 годы (реконструкция)

В основу Города лег псевдоклассицизм. Затем на столетие Город окунулся в разновременную эклектику – так было вплоть до конца XIX века, когда на недолгое время возник псевдорусский

* Прориси приведены по книге «Балконы Одессы». – Одесса, 2012 год .

Куйбышева, 27

стиль*. Это ряд общественных зданий на Старопортофранковской, на углу Кузнечной и Успенской, на Пастера – корпус физического института, на Коблевской... Почему он так был назван? Эклектика была все же честна, а этот «стиль» был лубочной картинкой, отдавал замшелым Ильей из Мурома, бочкой с квашеньями и соленьями, был надуман, вымучен и стал откровенной пошлостью.

Город во второй половине XIX века был преимущественно двух-трехэтажным. Сохранились лишь вкрапления эти дома, которые собственно и были Городом для наших предков. Вся его красота и роскошь, от эклектики до модерна, созданы были в короткое и недавнее время, на рубеже веков, плюс-минус 20-летие.

В тридцатые советские годы в Городе недолго бытовал «конструктивизм», стиль-отголосок происков Ле Корбюзье и его отечественных последователей:

У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы...

Иосиф Бродский. Роттердамский дневник

В этих домах профилированы прямоугольными выступами фасады, между ними висят широкие горизонталы общих балконов, там тишина и тень. Этот сверхсовременный поиск пахнет провинцией, глухой периферией, задворками. Странно – то, что

* Правильнее называть его ложнорусским.

было задумано как наше продолжение в пространстве, на поверку оказалось сухим и чуждым нашей душе...

Все же это был поиск, связь с окружающим миром, а в те годы все связи рушились. Печальным и поздним отголоском этих поисков стала убогость наших Черемушек, новых спальных районов...

Затем наступила эра сталинского ампира (стиль «вампир», или – «ам-пир во время чумы»), в нем, как и в модерне, было все кусочками от бывшего в веках: все ордерные системы, колонны и пилястры, тяжелые и выступающие в пространство улиц антаблементы и башни, возвышающиеся над кровлей на углах зданий, гигантские арки въездных ворот, открытые колоннады балконов, на которые отродясь никто не выходил смеяться и радоваться солнцу (в такой арке, как отметил Олеша в «Зависти», красиво и впечатляюще можно было повеситься). Станным образом и несмотря на эти апробированные человечеством средства, этот стиль был лишен радости, и цвет его стен, придуманный коммунистами, отливал смесью пролитой крови и экскрементов, а призванные быть манящими открытые ветрам балконы отпугивали леденящим страхом. Кнутовой образ империи рождал вид этих зданий, а цвет их был сродни содержимому общественных туалетов. Это было совпадающе близким к архитектурным новациям стиля Третьего Рейха.

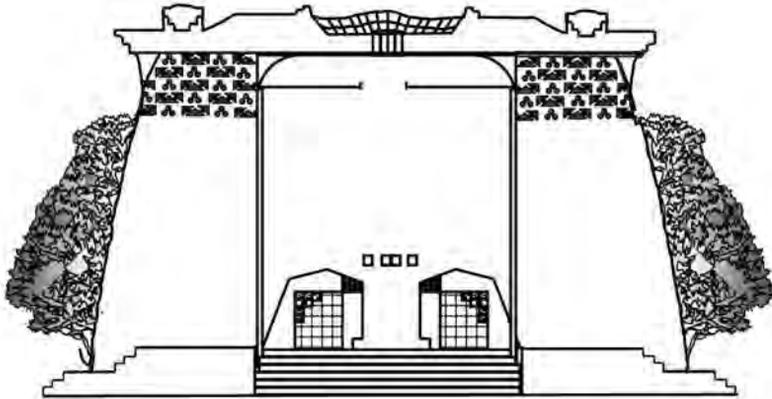
Облагообразить эти строения ничем невозможно!

Нас учат мрамор и гранит
Не поминать обид,
Но помнить, как листва летит
К ногам кариатид**

Александр Кушнер

В самом же начале XX века в Город пришел на все довоенное время – время оставшейся свободной и достойной жизни Города – последний в истории человечества стиль, модерн, в той его форме, которую мы называем «русским модерном». Родились новые здания модерна одновременно, и годами рождения имели

** Мы помним, но кроме – мы помним, что эти ноги разбиты, и уже не все есть.

1903-1914, когда начавшаяся война навсегда (а думали – временно) прервала это новое созидание Города.

Михаил Врубель называл музеи покойницей. Он думал и о себе, о своих работах, и ему отчаянно не хотелось, чтобы они, его дети, попали в морг. Модерн впервые позволил художнику выйти на люди, в пространство улиц и площадей, на плоскости стен. На стенах «Метрополия», в самом центре Москвы, уже столетие представлено великолепное и огромное врубелевское панно над скульптурным фризом Андреева. Модерн вывел мозаики на стены зданий, сплел очаровательные витражи в парадных... Впрочем, это было и раньше, но модерн придал этим усилиям масштабность поиска и честность взгляда...

Возникший на идеологической подоплеке, на основе красоты, которая если не спасет, то во многом улучшит мир, абсорбирав усилия архитекторов, художников и дизайнеров, модерн оказался разумным ребенком времени развитого капитализма. Великолепие фасада в нем сочетается с хищнической экономичностью подхода к пространству жилья. Более глухих беспросветных дворовых колодцев не знала ни в какие свои времена архитектура Города. Наряду с высотами стиля модерн в Городе много «экономического» модерна, когда на фасаде читаются только следы стиля, так было принято строить в это время, во всем остальном это экономически и жестко упрощенное жилье.

Лучшие города России, Питер и Москва, Одесса и Львов, Баку и Киев (но и Калуга, и Ярославль, и далекий Саратов...), как и лучшие города мира, от Парижа до Гаваны, и Барселона Антонио Гауди, остановили навсегда свою молодость во время господства стиля модерн.

Это был стиль, и поэтому он пронизывал все – женские обольстительные платья, театральные и коммерческие афиши, дизайн автомобилей и швейных машин, спичечные коробки и папиросные пачки, ограды и памятники на втором кладбище... мысли горожан и атмосферу личной жизни.

Это был стиль любви, вся ее обольстительная и манящая атмосфера, полутона и шлейф запахов («дыша духами и туманами» – это тоже время модерна, и им рождено), вся эта наэлектризованность и неуемная жажда счастья. Ах, не случайно он пришел в жизнь наших предков именно тогда, в преддверии страшных и небывалых у человечества бед и лишений, – чтобы дать надеяться, как просьба о прощении, за все, что им предстояло.

Лучшими архитекторами стиля модерн, людьми, последний раз проектировавшими и строившими с любовью Город, у нас были: Л.М. Чернигов, Ф.В. Гонсиоровский, Э.Я. Мэснер, С.А. Ландесман, А.Б. Минкус, Л.Л. Влодек, М.И. Линецкий, В.И. Прохаска, Ю.М. Дмитренко, Н.К. Толвинский, С.С. Гальперсон, В.А. Домбровский, Ф.П. Нес-турх, Я.С. Гольденберг, В.М. Кабиольский, Я.М. Пономаренко...

В Городе адреса модерна определились в странной логике, так, как если бы кто-то, задумав тотальную его перестройку, начал предварительную разметку, присматриваясь, как это будет, и ставя эти 3-5-этажные красавцы дома в разных городских точках. И вот еще поражающая странность – они возникали парочками, рядом, среди отжившего городского пространства, среди трущоб и убогой серости. Чтобы не было им так сиротливо и одиноко среди серости, которая была, но трижды, которая придет и наступит!

Этих адресов в Городе не счесть...

Начала перестраиваться в модерне Кузнечная. Она открывается четырехэтажным угловым домом в развилке Успенской, – носом корабля, рассекающим серое море предназначенного к сносу

старья. Птица со сложенными в напряжении и готовыми вновь распахнуться крыльями. Для полета – но так никуда и не полетела: некуда было больше лететь в этой начавшейся то ли стране, то ли казарменном барачном поселении, где эстетической нормой выдвинута была и навсегда ею осталась идея «эвакопункта». Два крылатых дракона свешивают в хищном оскале головы над угловым окном первого этажа, и в высоте угла укреплен крылатый символ охранения и защиты. Угловые башни вынесены над кровлей... Рядом с ним плечом к плечу стал красавец в 5 этажей под № 52, – но навсегда в нем распахнуты кованые ворота и выбиты стекла за коваными решетками парадного входа. Эту бы ковку сохранить в музее, и был бы тот музей историей нашей болезни!

Как кладбищенская ограда, как ворота некрополя, где все, кто жил, давно мертвы, а новые и случайные поселенцы вот уже столетие живут здесь времянкой, уродуя и калеча, – как будто бы в ожидании хозяев. Зачем хранить, если все равно и неизбежно потеряешь! Так описал Михаил Булгаков этих новоселов, живших в доме «№ 13. – Эльпит-Рабкоммуна» и так они навсегда во всех поколениях сохранились: «Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли... Поперек гостиных протянули веревки и на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем, и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерне мрак... В квартире 50 в двух комнатах вытопили паркет. Лифты... Да, впрочем, что тут рассказывать...».

Это была Москва, 1923 год, дом № 13 в русском модерне, один из лучших, но так же само это было в Городе, и таким осталось – до сегодня!

Угловой № 40 на углу Тираспольской, в 5 этажей кавалергард, со сдвоенными полуколонками в высоте последних этажей у балконов. Высится над углом дома многоколонная ротонда. Таких ротонд над Городом тогда появилось много.

В самом начале Тираспольской, по линии Старопортофранковской, на углах «городского въезда» стоят три дома, высокие красавцы, два симметрией на углах и один под номером 97, развитием Старопортофранковской. Он особенно хорош, и в его

высоте помещены майоликовые картуши с аистами... Так был обозначен вход в Тираспольскую улицу – такой она должна была стать вся! И кто-то, так задумавший этот дом и посадивший аистов на его крышу, был уверен, – люди, идя мимо, аистами этими станут любоваться.

Я много раз там стоял и присматривался – нет, не любят. Может быть, они начинают любоваться, когда я покидаю этот угол, а при мне стесняются?

По всей длине улицы Толстого стоят красавцами-кавалергардами высокие дома в модерне. На углах Нежинской, Новосельского, по краям Каретного переулка. Вот сохранившиеся ворота у дома № 13, и над ними устроен домик для фонаря. Когда-то в начале века горел здесь фонарь. Что он видел и кому освещал путь домой? И как они ходят вот уже столетие к себе домой, когда не горит вовсе фонарь, сохранившийся, готовый для нас гореть – только вставить лампочку?! Евангелическая девичья школа на углу Каретного. На высоких плоскостях стен припухлостью дан невысокий эркер. На Большом проспекте Петроградской стороны в Санкт-Петербурге есть доходный дом постройки И.А. Преторо. Они удивительно похожи, от подошвы до крутизны крыш. Но питерский теперь любовно представлен в альбомах.

На Нежинской, если идти от Нового рынка, по правой стороне стоит ряд домов в модерне: одноэтажный № 38 с высоким, во всю высоту дома, проездом и на заказ выкованными воротами, два красавца на подходе к углу Толстого (А.Б. Минкус, 1910), поставленные «в рост», и вся эмблематика русского модерна на стенах этих домов: бессонные совы и геральдические щиты... А в самом начале Нежинской, в переулке Богданова, прямо в подбор от угла, стоят сразу три красавца, рослых, статных, подобранных друг к другу. Изувеченных новыми поселенцами...

На Коблевской под № 38, А и Б, стоят рядом два красавца в модерне, в четыре этажа каждый, и рисунок проездных ворот у них для лучших альбомов (то, что там уцелело).

И Троицкая в устье от Преображенской также начинается двумя, на противоположных углах, зданиями в модерне. На правом необычен «глухой» закругленный угол, без окон, и на высоте второго этажа висит великолепной пластики уличный фонарный кронштейн,

но сто лет как не стало фонаря, разбитого, видимо, пролетариями еще в самом начале строительства новой жизни. В которой он уже не понадобился. Дом «собран» к углу и высится замкнутой башней, суровой, как надгробие рыцаря. Это самая «модерная» улица Города. Еще несколько зданий в модерне у зала «Унион»...

На Екатерининской, в самом ее начале, под № 9 – четырехэтажный дом братьев Л. и Ю. Лантье (Г.К. Шевребрандт, исполнители – Артель Десятников), за № 8/10 четырехэтажный, и ряд красавцев – кавалергардов, а внутри двора под № 6 спрятались еще один, неожиданный и такой же рослый красавец в модерне. Над парадным входом горельеф – античные ребята с конями под уздцы. Под 35-м номером на углу Почтовой стоит одно из лучших в Городе зданий, проекта Л.М. Чернигова.

Дом на углу Дерибасовской и Ришельевской (С.А. Ландесман) – строгий и холодный модерн (классицизм и ампир), и яркие мозаичные вставки в высоте его пятого этажа. И весь Колодезный переулок, от «дома-пряника» – гостиницы «Большой Московской» – и до двух домов на углу Греческой, включая Русский театр.

Здание на углу Надеждинской (№ 21) и Сабанеева моста, его проектировал и строил В.И. Прохаска в 1808-1809. Тяжело рустованы первые этажи, но гладкими оставлены плоскости самого верхнего из четырех. Наличники окон, выступающие тяжелой огранкой в третьем, сливаются с плоскостью стен четвертого этажа. Дом становится «легче» к верхним этажам, и это скрадывает его масштабы и грузность. Парадный вход высотой в два этажа и кованая дверь в мотивах модерна – простота – сила – чистота – ясность – и разруха!

Этот прием Прохаска повторил в 4-этажном и тоже угловом здании на углу Толстого и Новосельского улиц. У ворот сохранились флагодержатели – морские коньки, выпятив брюшко, обеими руками держат тяжелый флагшток, и кованые розы распустились на воротах у дома Прохаски...

В переулке Чайковского: 4-этажный красавец в модерне (№ 4), 1904 года рождения – фасад торжественный, как занавес в театре, и № 10 – трехэтажный модерн, 1905 год, у него три балкона, и у всех трех различен и очарователен рисунок кованой объемной ограды.

Стоят эти красавцы на Приморском бульваре, в переулке Ляпунова, вдоль всей длины Преображенской и Маразлиевской, на Приморской улице (здания морского порта) и у Таможенной площади, на Щепкина и вдоль Пастера (великолепное здание Матросского клуба), на Конной и Торговой, на Пироговской (комплекс зданий Я.М. Пономаренко) и Новорыбной, вдоль Госпитальной, включая здание Еврейской больницы, и вся городская больница на Слободке-Романовке построена тоже в модерне, как и великое множество фонтанских дач...

Но все это даже не половина!

Если нанести на карту Города эти дома, построенные в основном от 1903 до 1914 годов, можно обнаружить удивительную и трагическую вещь. Так начиналась перестройка Города, так начиналось наступление на кварталы двухэтажных развалюх Молдаванки, городских трущоб, соседствующих с самым что ни на есть центром, так произведена была как бы разведка боем, и все определилось...

В 1904 году по примеру Неаполя и Берлина была задумана реконструкция центра Города – планировали проложить по осям Тираспольской и Почтовой улиц новую магистраль шириной 55 метров, застроив ее исключительно зданиями общественного назначения. Так началось великое наступление центра на окраины, сменившееся в последующее столетие эрозией почвы и встречным наступлением трущобных районов на городской центр. Ах, если бы не начавшаяся война, сменившаяся гражданской и затем всеми последующими кошмарными режимами! Все остановилось, трущобы, уже в те годы так именуемые, остались трущобами и простояли еще столетие, рушась и ветшая... Их укрепляли национальным типом контрфорсов – деревянными бревнами, подпирающими стены домов, упираясь в тротуар.

На стенах этих домов записана великая «загадка русского модерна», ключ к которой безвозвратно утерян. Вся эта богатая лепнина, причудливые ветви, полные цветов и листьев, маски и маскароны, тонкая и неглубокая профилировка поверхности, благодаря чему она способна варьировать цвет, – все это сохранилось в целости и сегодня. Как будто бы строители знали, что наступит столетие безвременья, когда ремонтировать эти стены

уже никто не станет... Так выполнены стены всех домов «русского модерна» в Городе, и если их намеренно не уродовали, они сохранили родное покрытие – это чистый и глубокий светло-серый цвет... Но был утерян секрет покрытия. Это заметно на противостоящих домах на въезде в Тираспольскую улицу. Отремонтировали недавно угловой левый дом и обмазали его чем-то серым, цвета мокрой земли. А справа стоит дом с медальоном-камеей на угловом фронтоне, где, говорят, запечатлена жена владельца, – он остался таким, как был от сотворения. И вот он имеет светло-серый и теплый цвет, данный ему от рождения, а обмазанный ремонтниками имеет цвет могилы, но, к счастью, уже очевидно, что вскоре эта замазка опадет. Что, конечно, украсит дом.

Народ, масса, население – вполне глухи к новым формам. Вот поучительный диалог:

Иоганн Гете: – Высшим и единственным в своем роде актом, как в природе, так и в искусстве, является образование формы.

Джованни Микелуччи: – Опыт учит нас, что на рождение новых форм, пластических или декоративных, массы реагируют всегда негативно, так как не хотят утруждать себя тем, чтобы их понять.*

Я наблюдаю – эти массы движутся мимо, вовсе и никогда не поднимая глаз на дома, балконы, эркеры, лепнину и статуи. Им все равно и все едино, этой пищеварительной массе. Нет, даже утруждая себя, они не в состоянии понять. Они могут только привыкнуть и подчиниться традиции. Если бы они строили Город, он был бы таким, как выглядят сегодня все новые городские районы, от пресловутых Черемушек до самых сегодняшних**. Безлико, глухо, стереотипно, бетонно-кирпичными бараками обустроенного жилья. Вместо рустованных стен, колонн и пиляст-

* Форму нельзя понять, ее можно почувствовать и постигнуть новое в строительстве мира.

** Сегодня ломают и перестраивают Город, возводя в самом центре многоэтажки, чистые, опрятные, но лишённые художественного чувства, подменяя архитектурную мысль мощью строительной индустрии, не понимая или никогда не зная, что назначение архитектуры не столько в том, чтобы дать человеку обустроенную берлогу, но в том именно, чтобы утвердить в нем чувство человеческого достоинства.

ров, кариатид и атлантов, кованых решеток балконов и ворот, и парадных дверей, эркеров, и вообще хоть какой-то архитектурной, основанной на накопленном человечеством опыте и чувстве мысли, они поставили бы здания с глухими плоскостями бетонных серых стен, сварными из доступного уголка решетками (не для красоты, но для охраны только...), выкрасили бы их в любимый цвет блевотины и стали бы жить... Не говоря о стиле, о его ощущении, об ощущении городской среды...

Но такой она была всегда, «серая Рабкоммуна», во все времена, – красота пропорций и рисунокковки, светотень на фасаде и завиток кованой виноградной лозы на балконе – было во все их времена, ей – им вполне безразличны. Поэтому то небольшое, что сохранилось, они продолжают уродовать и разрушать. Ломают балконы и вывешивают на их месте в уличное пространство какие-то глухие прямоугольники бетонных надолбов и закомар, не считаясь с рисунком здания, закладывают колонны, срубают мешающих кариатид, надстраивают здания, и над верхним этажом появляется казарменная коробка, ни по стилю, ни по высоте, ни по духу не вяжущаяся с этим зданием.*** Выломаны проездные ворота высокойковки и литья, навсегда выбиты стекла парадных дверей, выломаны фрагменты у решеток лестничных маршей... «Без окон, без дверей, полна комната зверей...» – не загадка!

Власти такие же, из этого же народа, им это вполне безразлично, а архитектурское ведомство Города по неведомым причинам на все спокойно закрывает глаза...

Так и живут, оставляя вокруг «глухой матлот», словесно, но пока еще и письменно, не разучившись, на облупленных стенах, семечковую лузгу, разбитые пивные бутылки в мраморной чаше бассейна и горы мусора, брошенного мимо разломанных мусорных контейнеров. И ветер перемен разносит этот мусор вдоль улиц...

Так было.
И ничего не стало...
Да было ли это, Господи?

*** Так изувечили дом барона Масса на Екатерининской площади, и красавец дом, стройный, строгий, формообразующий эту площадь, превратился в какого-то проходимца в надвинутой на лоб кепке.

II Паутинка

Краснеет замка черепица
Над синей пропастью двора...

Поль Верлен

To make a prairie it takes a clover and one
bee, / One clover? And one a bee, / And revery.
/ The revery alone will do, / If bees are few.

Emily Dickinson

В доме, где давно не убирали пыль, привольно жить пауку. Он возникает из ничего, из слов ненаписанных писем, из затерявшихся в прошлом надежд и неисполненных обещаний, его приносит ветер, он невесом, но сотканная им паутинка легко устоит под натиском урагана. Рухнут стены, унесет ветер вырванные с корнем деревья, обрушатся электрические линии и окостенеют перевернутые на спину автомобили – а невесомая ткань паутинки сохранится, даже если не станет мастера паука. Стены наших домов, балконы, ограды и ворота, все соткано из продуманных рисунков, и рисунки эти только на первый и обманчивый взгляд легко понять и прочесть.

В Питере на Петроградской стороне есть балкон, сотканный из такой паутины, и в центре его висит, отдыхая, внимательный паук... Почему бы тебе не смотаться – глянуть?!

Никогда не тревожь паука! У него много заданной на дом работы, и наше понимание неверно, волшебная паутина ему нужна не в качестве снасти, но чтобы мы ею любовались, а мухи это так, сырье... Он соткет кружево и укрепит его на ветках деревьев, утром оно все будет в каплях росы, в бриллиантиках высокой огранки и засверкает в первых лучах солнца. Не тревожь его и работу его не разрушай – однажды Будда простил прегрешения человеку, пощадившему паука, – человек шел с кровавого ночного разбоя и переступил через паучка, бегущего по тропинке, – кто замолвит в нужный день за тебя слово?

Нежинская, 38

Как под прозрачной и ничего не скрывающей вуалью хорошеет тайной лицо женщины, так нашему Городу это плетеное чудо узоров!

Как это описать – рисунки решеток и люков, лепнину стен многообразием, объемом и фактурой, как это передать, не прибегая к фотографиям и зарисовкам? Нужны иные и новые органы чувств. Как ослепшему художнику форма и цвет, как глухому Бетховену звуки речи и музыки, как Чайковскому очарование женщины, так мои мне попытки. Может быть, это получится у вас?

Из чего можно сделать прерию?
Из пчелы – и цветочка клевера –
Одной пчелы – одного цветка –
Но, если там не растут цветы, –
Хватит одной мечты...

Эмили Дикинсон

III

Под ногами

Бульжник наших гранитных мостовых многоцветен, и форма его – хлебный кирпич. Он варьирует размером и часто широкие ряды чередуются с узкими. «Бульжники мостовой далеко не одноцветны, среди них есть даже зеленые...» – это Юрий Олеша увидел на наших мостовых. Повсеместно его залили асфальтом, но ряд улиц оставлен в бульжнике: Приморский бульвар, Пушкинская, Толстого, Французский бульвар... Брусчатка наших улиц линейна рисунком, серьезна и лишена всяких дуг и колечек:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал...

Павел Коган

Может быть, это потому, что с детства нога и глаз полюбили честную линейность наших дорог. Это важно, по каким рисункам мостовой бежит в булочную посланный за хлебом ребенок, но известно, что выросший на питерских дугообразных брусчатках Раскольников в результате убил топором старуху...

На Коблевской бульжные ряды поперечны улице, на Дворянской и Пушкинской они идут косым углом от краев к середине, «елочкой»*, а прямоугольник перекрестка набран конвертом, от каждого угла к центру.

Спуск от Театральной площади к Бульвару, плавной дугой огибающий Английский клуб, набран мелкими петитом – «торцевыми» гранитными кубиками, – так приятно ступает по ним нога! Как легко ступает! Они чуть шершавы, кубики гранита, как язычок ласкающей кошки, как время нашей жизни. Я шел здесь с любимой, и торжественно лежала ее легкая рука на обшлаге моего рукава, и легко ложилась брусчатка, пружиня под нашими шагами. Поздней ночью

* Так, под углом к движению, укладывали гранитные плиты на своих дорогах римляне, чтобы колеса телег не образовали продольную колею, впрочем, они, колеса, за какое-нибудь полустолетие с этой задачей вполне справлялись, и это наглядно можно увидеть в Помпеях или Циппори.

мы весело взбегали по ней от Бульвара, держась за руки и возвращаясь домой, и смех наших голосов отражался, мячиком прыгая по торцам бульжника, стенам клуба, стволам и листьям деревьев. Он жадно впитывался кубиками гранита, стенами Оперы, ночным небом, прижавшимся к теплу земли, чтобы немного согреться и подслушать, и улетал к далеким звездам, чтобы их немного согреть.

И теперь, когда я иду этой дорожкой, тяжело ступая по давишим камням, оставшимся молодыми, этот смех возвращается с далеких небес и согревает мне сердце.

Вчера мы там катались на саночках, с внучкой. Был, видимо, последний снег этого года. Последний, потому что сегодня он весь ушел обильными потоками слез. И весь Город утонул в озерах и реках, вчера еще бывших сугробами... Вчера вечером он, снег, это предчувствовал, мы были на этом спуске одни с саночками, и он на прощание стал покладистым, плотным и мягким, и скользучим. Саночки неслись сами по себе, даже, казалось, и вверх, на подъеме. Он радовался этому стремительному полету вместе с нами. Висел в густой и плотной синеве неба молоденький гоголевский любопытствующий месяц, было темно на спуске, и он сам освещал нам дорогу... Месяц был с видом Стамбула, разве что вместо минаретов белел высокий средник Оперы, и по плавному развороту крутого спуска от самой Театральной площади и до впадения в Пушкинскую улицу у Думской площади саночки неслись стремительно, неостановимо и беззвучно – так мягко, так упруг и податлив был радующийся вместе с нами снег.

Бульжник наш плотен укладкой и рельефен, как зерна кукурузного початка. Как чешуя дракона, и тело дороги выгнуто дугой к краям, как его спина. Если проснется дракон от столетнего сна и расправит занемевшие члены – задрожит земля и опрокинутся карточные ряды домов, и выйдет дракон на поверхность земли, тяжело и удивленно ворочая тяжелой и рогатой своей головой, готовясь к полету.

Везде, где к бульжнику не прикасались после 17-го года, он отлично лежит. Главное, чтобы не прикасались!

На тротуарах центра комли деревьев были убраны в чугунные решетки работы разных одесских заводов: «М.Э. ЭРНСТЪ Заводъ – Одесса», «Заводъ В. Рестель Одесса», и уже в советское время «Завод им. Осипенко, Одесса», но эти, последние, есть только на Садовой. Два широких и узких, литых и плоских полукольца, и внутри размещается еще два решетчатых, с трехъярусной ячеистой структурой, горловиной под самое дерево, как кружевной и кокетливый у дерева на горлышке воротничок. Решетка эта защищала основание дерева и позволяла ему дышать и получать влагу. И обувь прохожих она защищала в многолюдной тесноте наших широких тротуаров. Решетки сохранились на Дерibasовской, где они особые, квадратной формы, четырехсекторные, на Садовой и, частично, на Екатерининской и Преображенской.*

Бесконечно много в Городе люков. Обычно их не замечаешь, но, посмотрев под ноги, изумишься – их множество, различных назначением и формой, рисунком и происхождением. Как шляпки грибов, выросших в тени деревьев. Иногда на маленьком пяточке их пять-десять штук. Например, в моем дворе, на узком и длинном его пространстве, я насчитал двадцать люков, но, видимо, их все же больше. Я несколько раз пересчитывал, но их число варьирует в зависимости от направления счета – от ворот в дом или из дому к улице. Разбросаны они хаотично и прихотливо, в основном на широких тротуарах, но некоторые расположились на мостовой, прямо по ее центру, вдоль дороги, и эти имеют квадратную оболочку, на которой уже располагается круглый люк. Иногда рядом с люком находится и совсем маленький квадратной формы лючок, видимо, под ним спрятался кран (как под листиком гриб).

Иосиф Бродский как-то сказал о языке Андрея Платонова, что в нем закодирован абсурд нашей русской жизни. Нет нужды для такого вывода читать «Чевенгур», вполне достаточно задуматься над ошеломляющим количеством и странностями расположения наших люков...

* Эти решетки видны на рисунках Ефима Ладыженского, у кафе Робина и Фанкони по Екатерининской, на различных перекрестках Преображенской... Они несколько различались рисунком, и видно, как этот рисунок украшал Город, вписываясь в его картину элементом южного орнамента.

Когда-то вдоль улиц, по обеим их сторонам, были вырыты глубокие открытые «ливневые» канавы, предназначенные для стока дождевой воды. Они видны на старых гравюрах городских улиц, это были открытые продольные улицы канавы, идущие по краю тротуара, и на перекрестках через них были переброшены мостики. Потом эти канавы закрыли сверху, опустив под землю, и так возникли люки ливневой канализации, расположенные у самого края тротуара, для удобства стока воды. К ним добавлялась вертикальная полочка – заградительная решетка в месте слива водяных потоков. Как плотина у Днепрогэса. Имена у них: «Общ. «Трудъ» Одесса» – на Бульваре, повсеместно в центре «О.Г.В. СТ. ЧУМКА», «...ODESSA» на Пушкинской.

Старых люков сохранилось совсем немного: «М.А. Айзень. Одесса» (люк на углу Колодезного и Полицейской, если идти по Колодезному, по правой стороне, то этот люк лежит немного не доходя теперешнего здания банка);** в подъезде углового дома на Надеждинской у Сабанеева моста – «К...стерь. Одесса». Есть люки с надписью «Трудколония. Одесса» с датой 1947 года – на Еврейской, в развилке Польской и Осипова, на Льва Толстого у № 13 и на углу Преображенской – Большой Арнаутской. Сразу приходит на память время под этой непростой датой, но возможно, что была это мирная трудолюбивая колония, отливали там люки. И лежит на дороге по улице Средней тяжестью могильной плиты люк «Одесса, ДЕТТРУДКОЛОНИЯ»...

Возможно, кто-то коллекционирует крышки от старых люков – часто их вовсе нет, и прохожий должен быть осторожен на наших улицах.

Под поверхность Города лежат многоярусные катакомбы. Там никогда глаза не привыкают к темноте. Наша городская земля, как головка сыра, на разных уровнях прорезанная переплетением разновременных ходов древних и свежих выработок ракушечника. Они всегда под нами, но и под нашими домами тоже,

** К сожалению, его уже несколько лет как стащили, то ли есть такая особая область коллекционирования старых люков, то ли бомжи сдают эти люки в приемные пункты металлолома, но большая часть наших люков теперь прикрыта бетонной круглой плитой.

мы пересекаем их ходы ежечасно и вспоминаем об их реальности, остановленные внезапно, – провалилась колесами машина... Сегодня на Дегтярной, не доходя площади Толстого, я увидел такой провал. Ночью шел дождь, и в тротуаре образовалась обширная и глубокая щель. Внизу, метра два всего в глубину, был виден обнажившийся срез штольни, арка выработки, и ниже угадывалась ее глубина. А в ней – таящаяся чуждая и опасная жизнь.

Наши катакомбы как капканы, не столько расставленные в далеком прошлом, сколько позабытые сегодняшним недосмотром.

Иногда у меня возникает странное чувство – в глубине земли кто-то странный и мне неведомый сопровождает меня из улицы в улицу, идет он прямо подо мной, иногда ускоряясь в шаге своих многочисленных ног, чтобы не отстать, в том месте, где ход катакомбы петляет, и, догнав меня, он жадно поднимает голову к моим шагам по тротуару и тяжело вздыхает – так хочется ему со мной повидаться!

Надо бы мне спуститься к нему, в этот мрак и сырость подземелья, который он покинуть не может, и – поговорить!

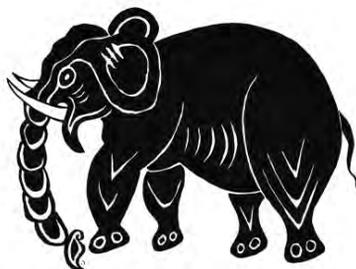
Я недавно прочел, как в послереволюционные годы чекисты искали прятавшуюся в глубине и дальних закоулках катакомб контру, и вот на большой глубине катакомб под моим Михайловским садиком они натолкнулись на странные кости гигантских размеров.*

Специалисты из нашего университета эти кости достали и создали в университете музей. Было их свыше сорока видов, древних останков, и среди них страусы, слоны, гиены, саблезубые тигры, лисицы и мастодонты, и даже насчитали 400 останков верблюдов времени позднего плейстоцена.

И вот теперь я припоминаю, я ведь это видел мальчишкой, не зная имен и названий, не зная этих прошедших времен, а прошли они так давно, что на самом деле никогда и не существовали. Но мальчишкой, ожидая, когда синий-синий, в темноту ночи цветом, сурман сядет наконец на ствол дерева, притаясь в тишине

* В 1928 году под Михайловской площадью в карстовых пещерах были обнаружены скопления останков млекопитающих животных, живших здесь 3,5-4 миллиона лет назад. Их нашли сотрудники одесского ГПУ, искавшие в катакомбах врагов советской власти.

и темноте кустов, я внезапно чувствовал чью-то странную мохнатую тень, из-за плеча, справа, кто-то и что-то ее отбрасывало, громадное и непонятное, оно выглядывало из-за моих плеч вместе со мной... Оно ожидало вместе со мной и вместе со мной переживало, чтобы не улетел красавец сурман, король легкокрылых стрекоз, чтобы сел и замер, и распустил, отдыхая, свои готические витражи-крылья.

Я вырос человеком именно потому, что здесь, в моем теперешнем Михайловском садике, в самом начале мира

- стояли высоченные глухие леса, еще первобытные, непроходимые... с полянами, полными шумящих на ветру высоких, в рост человека, трав... и головки цветов свешивались до земли...

- тяжелой поступью шли мамонты, покачивая задумчивыми головами...

- бежал сквозь глухие заросли джунглей саблезубый красавец тигр... и вот однажды он пробежал мимо и на меня искоса на бегу глянул, а я готовил, лежа в траве, задания по геометрии и, проследив за шелестом трав, закрывающихся

Иссахар Бер Рыбак

Из одного тела в другое
Вырастает таинственный разум.
Время кузнечика и пространство жука –
Вот младенчество мира*

Таинственный разум, которому научить невозможно, рождающийся из одного тела в другое и дальше переходящий, наследством,

* Николай Заболоцкий. Школа жуков.

по его следам, мне впервые геометрия стала понятной и ясной насквозь...

– караваны верблюдов, пройдя пустыни, выходили к моему Зеленому садику и здесь, среди высоких кустов зелени, они паслись, ожидая меня...

– а там, вниз по Виноградной, где балка, моя Балковская улица, по ней мощно и неостановимо катила воды река, перекатывая тяжелые валуны. Как она называлась? Она была такой сильной и широкой, что ее не могли переплыть тогдашние красавцы олени.

Вот так и родились мои бабочки и стрекозы, – из праха мамонта, из кончика его бивня...

– из могучего хребта саблезубого тигра родился прыгучий кузнечик...

– а из тайной поступи гиены обозначился мой внимательный взгляд,

вопреки всему научению мира... Сказочная шерсть и под ней удивительная кожа, и под ней нетерпеливо бьющееся живое сердце...

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин,

И мнимое рву постоянство
И самосознание причин...

И вся моя школа была со мной, шла рядом, необходимостью и принуждением, но что-то еще, что-то иное, вне школы, вне правил, вне родительских слов... вне внешнего опыта... что-то из глубины сознания... куда иногда, очень редко... я в глубоком обмороке падал... и падая, знал... что это

без дна и конца... что это страшнее всех вместе земных страшилок... и еще знал... спокойной уверенностью... что падаю я в материнские объятия земли... и всех ее детей... всех и всего... бывшего задолго до меня... и ждущего меня впереди!

И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей...

Осип Мандельштам, 1933 год

IV Перед лицом

Тончайшим чугунным литьем были выполнены крылечки с навесами над парадным входом с улицы. Козырек такого навеса стереотипен и отливался, видимо, на одном из заводов Города. В его основе лежит прямоугольник с меандром, а в рисунке

Амедео Модильяни. 1911-1912

варьируется узор из прихотливых стрел и веточек с закрученными усиками, или пальметт. Иногда такой навес делался шириной в половину тротуара и покоился на двух литых столбиках, далеко вынесенных на тротуар. Так они сохранились на улицах Пастера, Коблевской, Еврейской, Греческой... Часто над козырьком помещалась монограмма владельца и год постройки...

Лучший козырек – у парадного входа дома Рафаловича на Пушкинской, теперешнего Музея западного и восточного искусства. Он литой в чугуна, тонкостенный и многослойный.

Дома Города имеют въездные проезды и запирающие их ворота. Первоначально большая их часть была деревянной. К началу века они были заменены на кованые и литые в металле, сохранились иногда только навершия, тяжелые и резные, с окошками в переплетении решеток и кружев – и в них герб, дата рождения дома, инициалы владельца, вензель. Формой они полукруглы или прямоугольны, как выполнен был сам дворовый проезд... в них резные полуколонки, овалы прорезей с металлическими вставками...

Эти ворота особые у каждого дома. Они «прозрачны», выполнены из кованых и литых деталей. Ворота были украшением дома, его «визитной карточкой», и сделаны были добротной, раз устояли столетие безвременья, когда рассчитывать на чьи-то заботливые руки уже не приходилось. Многие из ворот пропали, а о том, что появилось взамен, говорить не стоит. Но часть этих городских стражей все же уцелела, немногие здоровыми и целыми, больше инвалидами. Они криво висят на полусорванных петлях,

и видно, что много десятилетий их, открыв в последний раз, уже не закрывали. Как двери в навсегда обворованном и расхищенном доме. В доме покойника. Так, ошельмованные, утратившие части своих тел, покрытые десятикратными напластованиями красок, они и стоят на страже – смены им не будет. Тех дворников, заботившихся и нуждающихся в этих воротах, в одночасье не стало, новые разве что скребут вениками тротуары и метут листья, густо посыпая поднятой пылью неосторожных прохожих.

В глубине двора на Елисаветинской виден скрытый зеленью дом, пилоны ворот выступили в уличное пространство, но сами ворота сотканы из паутины – притаившийся где-то, ждет ваших неосторожных шагов паук, и притворяется он фонарем, покачиваясь на невидимой глазу паутинке.

На Греческой у № 20 они завершаются дворцовой полудугой, а в ковку ворот вплетены грифоны, яростно дышащие огнем и с хищно высунутыми языками. Во многих воротах сохранились старые замки. По замочной скважине видно, как велик был давно утерянный за ненадобностью ключ.

Самые красивые в Городе ворота у дома № 38 на Нежинской.* Они сотканы из виноградной лозы и листьев, и в их гуще прячутся виноградные гроздья. Гроздья припорошены пылью – они так давно созрели и их пора снять. Отлучился хозяин. А в арке над воротами – кованые многолепестковые розы в ошетилившихся шипами кустах. Ну зачем розам шипы?

«– Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? ... – Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, – этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли!»

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

* Проектировал и строил архитектор А.Я. Меннер, 1909.

Розовые шипы вовсе не охраняют розы, они хранят нас от неверных и опасных порывов! Эти ворота должны сохраниться! Потому что, если время их съест, это все равно, как если бы все наши оставшиеся звезды погасли бы разом!

И еще есть ворота у дома Фальц-Фейнов на Надеждинской – то, что осталось, левая створка. На ней растут невиданной красоты цветы.

В наверху ворот сохранились инициалы давнишних владельцев и даты строительства дома. Иногда они вплетены в кружево балконной ограды или вынесены на поверхности стен. Современники умели читать эти знаки, они знали или слышали о владельцах, которые тогда среди них жили. Владельцев этих давно не стало, и большую часть их имен позабыли. Можно покопаться в архивах, но прохожему недосуг, и он просто отмечает на ходу эти знаки как символы прошедшего времени и ушедших уже поколений.

Ужасающе запустением наши парадные входы, когда-то созданные парадно и величаво. Жильцы наводят красоты в квартирах, но сразу за дверьми, на лестничных площадках и ступенях, наступает «разруха». Разбиты витражи, обломаны ступени, выломаны звенья решеток, распахнуты навсегда настежь резные двери... Попробуйте осторожно, чтобы не измазаться, войти в любое из множеств таких парадных входов – и вас встретит чудо художества: в рисунке и ковке лестничных решеток, в аристократичной плавности переходов. Там нет, к сожалению, опознавательных знаков, имен художника и мастерской...

Литые ступеньки («М. Нудельман. Одесса»), тонкие, как русские блины на Масленицу, прозрачные на свету, ведут в квартиру с улицы. «Общ. «Трудь». Одесса» – ступеньки и ограда крылечек на Базарной. «И.М. Яловииковъ. Одесса» – это лестницы с адресами на Базарной, 38, Канатной, 38, 60, 64, и еще есть внутренняя, левая, «черная», в отличие от мраморной и парадной, лестница в библиотеке Новороссийского университета. Она невесома, соткана из тончайших чугунных плиток-ступенек и опорных кронштейнов, она парит в высоком и просторном лестничном проеме библиотеки, залитом солнечным светом, и по ней поднимаясь, испытываешь чувство взвешенности в многоэтажном пространстве вестибюля...

(Как часто в прошлом я шел этими ступенями и ровно на середине, в высоте пронизанного солнечными лучами пространства, я останавливался, позабыв, с чем и за чем шел. Я стоял, облокотившись на кованую решетку ограждения, и рассматривал людей, идущих мимо, вверх – мужчин, и вниз – женщин, в старого покроя сюртуках были мужчины, в стоячих воротничках, и они поднимались по этим ступеням, касаясь меня,

– этот был задумчив, шел не торопясь и что-то обсуждал сам с собой, шевеля губами, нахмурившись, и был он математик Новороссийского университета, он меня чуть задел и посторонился, извинившись перед пустым для него пространством,

– этот легко взбегал и улыбался, и книгу нес он, толстую книгу о физических основаниях мира, но думал о чем-то ином, и рядом со мной он поравнялся с молоденькой девушкой, такой пронзительно стройной, с талией, нигде, кроме нашего Города, не бываемой, и они остановились, заговорив о каком-то научном семинаре, – но я видел, что здесь в ином, и совсем не в семинаре дело, и оказался прав – они спустились вместе по этим летящим ступеням, и я услышал их веселые шаги по гулким плитам коридора, а потом распахнулись двери – и они вышли на весеннюю Преображенскую.

Я стоял и продолжал их видеть – прошел дождь, прямо перед этой минутой, и они теперь шли в весеннем солнечном свете, осторожно переступая через лужи...)

Флагодержателями в Городе чаще всего служили львиные чугунные морды; крылатые драконы; орел, распахнувший крылья, с кольцом в клюве, держащий флаг в когтистых лапах; изогнутые прихотливо морские коньки, овальные медальоны. Дореволюционные оконные жалюзи («Л. Рубин. Одесса») не только сохранились, но и хорошо работают. Многоцветные витражи были сделаны в домах модерна в объемах парадных лестниц и мало где уцелели, разве что фрагментами, а крышей для этих лестниц часто служил световой фонарь.

Дворовые колодцы были в каждом дворе и уцелели в немногих. Они, правда, не совсем были колодцы. Это, как правило, большие подземные резервуары, выложенные из кирпича или

твердого камня с хорошо отштукатуренными стенками. Сюда по подземным лоткам стекали с односкатных крыш дождевая и талая воды. А наверху были установлены колодцы, как мы их привыкли называть. Они выточены из мраморной глыбы в форме приземистого сосуда (и напоминают фигурой среднего, и значит, лучшего возраста горожанок), над ними кованая сень решетки, в которой укреплен сохранившийся ворот. Ручка ворота отполирована работой: трудолюбиво поскрипывал ворот, намазывая цепь, ведро звенело и задевало стенки глубокого колодца, рука ощущала тяжесть и холодящую чистоту поднимаемой к свету воды. Было утро, ласково грело солнце сквозь зелень листьев, леденила губы колодезная вода.

У этого колодца солнечным и тихим, еще ранним утром можно было встретить юную красавицу и попросить напиться воды. Как в русских сказках – живой! Как в еврейских – так Иаков встретил свою Рахиль у колодца в Харране, и так началась жизнь Народа.

Потом в дворовое пространство пришел водопровод, и закрыли горловины колодцев, поставив дворовые краны. А колодцы остались в центре дворов, такие же красивые, как были всегда. Арка дворового проезда, прохладная и полная зелени глубина двора и прямо напротив ворот, посредине центральной дворовой клумбы – белоснежное чудо колодца и кованая лира с воротом венчает его, как гербовый родовой знак.

И давно не бьющие водой дворовые фонтаны.

Продолжение следует

